Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-350-354

КИЛЬДИГУШЕВ Ильгиз Ирмакович,
Следователь СО ОМВД России по Баймакскому району,
старший лейтенант юстиции,
e-mail: kildigushev10@gmail.com

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОРГАНА ДОЗНАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *Статья представляет собой комплексный сравнительно-правовой анализ процессуального статуса органа дознания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь. На основе сравнительного метода исследования автор выявляет системные различия в подходах к определению круга органов дознания, их полномочий, степени процессуальной самостоятельности и форм дознания. Особое внимание уделяется проблеме дуализма организационно-функционального статуса органов внутренних дел (милиции) как наиболее массового субъекта дознания. В работе обосновывается тезис о наличии в белорусском законодательстве ряда позитивных решений, которые могли бы быть реципированы российским законодателем для оптимизации досудебного производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Автор приходит к выводу, что, несмотря на общность исторических корней, уголовно-процессуальное законодательство двух стран сформировало различные модели организации дознания, каждая из которых имеет свои преимущества и системные проблемы.*

Ключевые слова: *орган дознания, процессуальный статус, сравнительно-правовой анализ, уголовный процесс, УПК РФ, УПК РБ, дознание в сокращенной форме, протокольная форма, процессуальная самостоятельность.*

KILDIGUSHEV Ilgiz Irmakovich,
Investigator of the Investigative Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the Baymak District,
Senior Lieutenant of Justice

PROCEDURAL STATUS OF THE INQUIRY BODY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. *The article is a comprehensive comparative legal analysis of the procedural status of the body of inquiry in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Based on the comparative research method, the author identifies systemic differences in approaches to determining the range of bodies of inquiry, their powers, the degree of procedural independence and forms of inquiry. Particular attention is paid to the problem of dualism of the organizational and functional status of the internal affairs bodies (police) as the most massive subject of inquiry. The work substantiates the thesis that there are a number of positive decisions in the Belarusian legislation that could be adopted by the Russian legislator to optimize pre-trial proceedings in cases of crimes of small and medium gravity. The author concludes that, despite the commonality of historical roots, the criminal procedure legislation of the two countries has formed different models for organizing the inquiry, each of which has its own advantages and systemic problems.*

Key words: *inquiry body, procedural status, comparative legal analysis, criminal process, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus, inquiry in abbreviated form, protocol form, procedural independence.*

Институт дознания как упрощенной формы предварительного расследования занимает важное место в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Его значение обусловлено необходимостью обеспечения оптимального соотношения между эффективностью уголовного преследования и соблюдением прав личности в досудебном производстве. Особый научный и практический интерес представляет сравнительно-правовой анализ процессуального статуса органа дознания в Российской Федерации и Республике Беларусь. Данные государства, имеющие общую историческую основу уголовно-процессуального регулирования, в постсоветский период избрали различные пути реформирования досудебного производства. Если российский законодатель последовательно модернизирует институт дознания, вводя новые формы и процедуры, то белорусский подход характеризуется большим консерватизмом и ориентацией на проверенные временем процессуальные конструкции. Актуальность исследования обусловлена не только географической и правовой близостью двух стран, но и наличием у них схожих проблем в сфере противодействия преступности, что требует поиска оптимальных процессуальных форм реагирования. Целью настоящего исследования является выявление системных различий в правовом положении органа дознания в РФ и РБ, оценка их эффективности и формулирование предложений по совершенствованию российского законодательства на основе позитивного белорусского опыта.

Основное различие в подходах законодателей двух стран заложено уже в самом определении круга органов дознания. В Российской Федерации перечень органов дознания, закрепленный в ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ), является исчерпывающим и отличается значительной широтой. Он включает в себя разнородные по своей природе органы: от органов внутренних дел и органов принудительного исполнения до капитанов морских судов и руководителей дипломатических представительств. Ключевой проблемой российской модели является дуализм организационно-функционального статуса таких органов внутренних дел, которые одновременно осуществляют административные, оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные функции. На практике это нередко приводит к их смешению, подмене процессуальных решений административными, нарушению прав граждан. Более того, широкий перечень органов дознания порождает проблему их специализации и профессиональной подготовки сотрудников, уполномоченных осуществлять дознание. В отличие от следователей, проходящих специальную подготовку, дознаватели зачастую совмещают эту функцию с другими должностными обязанностями, что негативно сказывается на качестве расследования. В Республике Беларусь подход, закрепленный в ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [2] (далее – УПК РБ), является более сфокусированным и системным. Законодатель делает акцент на органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, что подчеркивает их основную функцию – уголовное преследование. Особенностью белорусского подхода является детальная регламентация компетенции каждого органа дознания в зависимости от категории дел [3, с. 180]. Так, часть 1 статьи 37 УПК РБ четко определяет предметную подследственность для органов государственной безопасности, таможенных органов, органов финансовых расследований и других субъектов. Важно отметить, что в белорусской модели более четко прописаны задачи и компетенция различных органов дознания, что снижает риск дублирования и конкуренции между ними. Это способствует большей специализации сотрудников, занимающихся дознанием, и повышению качества расследования [4, с. 72].

Сравнительный анализ полномочий органов дознания двух стран позволяет выявить существенные различия в их процессуальной самостоятельности. В Российской Федерации дознаватель, несмотря на формальное признание его самостоятельным участником уголовного судопроизводства в п. 7 ст. 5 УПК РФ, находится в состоянии «двойной подчиненности». Его деятельность контролируется не только прокурором в части соблюдения законности, но и начальником органа дознания в части организации работы, сроков, оценки качества. Начальник органа дознания вправе давать дознавателю обязательные для исполнения письменные указания о производстве дознания, приостанавливать его полномочия по ч. 4 ст. 40.1, ч. 2 ст. 41 УПК РФ. На практике это часто приводит к доминированию ведомственных, административных интересов над интересами процессуальными. Давление со стороны руководства в целях улучшения статистических показателей нередко становится причиной нарушения сроков расследования, формального подхода к собиранию доказательств, а в отдельных случаях – и фальсификации материалов уголовного дела. В УПК РБ система контроля сбалансирована иначе [5, с. 50]. Согласно статье 38 УПК РБ, начальник органа дознания обладает широкими полномочиями, включая утверждение ключевых процессуальных решений, организацию оперативно-розыскных мероприятий. Следует отметить, что указания начальника органа дознания являются обязательными для исполнения, а их обжалование прокурору не

приостанавливает исполнения. В отличие от российской модели, где начальник подразделения дознания не вправе отменить решение дознавателя в соответствии с ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, в белорусской системе сохраняется более жесткая вертикаль подчиненности. Что касается процессуальной самостоятельности лица, производящего дознание, то статья 41 УПК РФ предоставляет российскому дознавателю более широкие полномочия по сравнению с белорусским законодательством. В России дознаватель уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия, тогда как в Беларуси статья 39 УПК РБ сохраняет более широкий перечень процессуальных решений, требующих утверждения начальником органа дознания. Белорусский дознаватель в большей степени ориентирован на требования закона, нежели на ведомственные инструкции и показатели эффективности [6, с. 196]. Такой подход в большей степени соответствует принципу независимости субъектов уголовного преследования, закрепленному в современной доктрине уголовного процесса.

Наиболее ярко различия в подходах проявляются в регламентации форм дознания. Российский законодатель пошел по пути дихотомии: классическое дознание по ч. 3 ст. 150 УПК РФ и дознание в сокращенной форме в соответствии с гл. 32.1 УПК РФ. Последнее является прогрессивным институтом, направленным на экономию процессуальных ресурсов, однако его применение сопряжено с серьезными проблемами. К ним относятся: неоднозначность толкования условий применения, риск формального согласия подозреваемого с обвинением под давлением, а также сложность оценки доказательств, собранных на стадии проверки сообщения о преступлении, в качестве достаточных для постановления обвинительного акта [7, с. 180]. Судебная практика показывает, что суды нередко отменяют приговоры, постановленные по результатам дознания в сокращенной форме, именно в связи с недостаточностью исследования обстоятельств дела. Белорусский законодатель сохранил и модернизировал традиционную протокольную форму. Ее преимуществом является четкая ориентация на дела, не представляющие значительной сложности для расследования. Процессуальный режим протокольной формы более прост и предсказуем, нежели режим дознания в сокращенной форме в УПК РФ [8, с. 75]. Отсутствие необходимости вынесения отдельного постановления о возбуждении уголовного дела, возможность ограничиться протоколом об окончании подготовки материалов, в котором излагаются обстоятельства преступления, – все это делает белорусскую модель более гибкой и менее бюрократизированной для определенной категории дел. Важно отметить, что протокольная форма в Беларуси эффективно выполняет функцию «разгрузки» классического дознания, позволяя сосредоточить ресурсы на расследовании более сложных преступлений.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на общее историческое происхождение, процессуальный статус органа дознания в Российской Федерации и Республике Беларусь имеет существенные различия, обусловленные разными подходами законодателей к организации досудебного производства. Белорусская модель характеризуется большей структурной четкостью системы органов дознания и их специализацией по категориям дел. Российский подход обеспечивает большую процессуальную самостоятельность дознавателя, тогда как в Беларуси сохраняется более жесткая вертикаль подчиненности. Российский институт дознания в сокращенной форме, будучи теоретически прогрессивным, на практике сталкивается с многочисленными правоприменительными проблемами, тогда как белорусская протокольная форма демонстрирует свою эффективность и практическую целесообразность для простых дел. На основе выявленных преимуществ белорусской модели автор считает целесообразным внести следующие предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Во-первых, необходимо пересмотреть систему процессуального контроля за деятельностью дознавателя, ограничив полномочия начальника органа дознания в части вмешательства в принятие процессуальных решений, передав эти функции в полном объеме прокурору. Это позволит снизить влияние ведомственного фактора на ход расследования. Во-вторых, целесообразно реципировать позитивный опыт протокольной формы из УПК РБ, создав в УПК РФ альтернативную, упрощенную процедуру для дел о преступлениях небольшой тяжести, где обстоятельства очевидны, а виновное лицо установлено и активно способствует раскрытию. Это позволит разгрузить институт дознания в сокращенной форме и применять его только к более сложным делам. Данные меры будут способствовать оптимизации досудебного производства, усилению гарантий прав участников процесса и повышению эффективности деятельности органов дознания в Российской Федерации. Соглашаясь с М.С. Шайхуллиным и А.Н. Станкиным, следует также отметить, что если не создавать надлежащие условия для деятельности органов внутренних дел, то гарантии прав и свобод человека и гражданина могут не достигать своих изначальных целей [9, с. 27].

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (I часть), 24.12.2001, ст.4921

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 16 июля 1999 г. № 295-З// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, от 25.08.2000 г., № 77-78, 2/71

[3] Якубель, С. И. Процессуальные полномочия органа дознания в контексте реформирования системы органов уголовного преследования Республики Беларусь / С. И. Якубель // Особенности производства предварительного расследования на современном этапе развития уголовного процесса России : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 04 апреля 2019 года / Под общей редакцией А. Ю. Терехова, Р. М. Исаевой. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 179-182.

[4] Ашитко, В. П. Правовое положение начальника органа дознания в уголовном процессе Республики Беларусь / В. П. Ашитко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2018. – № 2(44). – С. 68-74.

[5] Гочечилов, Д. А. Некоторые аспекты компетенции органов дознания Республики Беларусь / Д. А. Гочечилов // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы : материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, Самара, 25 апреля 2014 года / Самарский юридический институт ФСИН России. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. – С. 48-51.

[6] Матюк, А. В. Информационное обеспечение взаимодействия следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений / А. В. Матюк // Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств - участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: научное электронное издание, Москва, 21 декабря 2016 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2017. – С. 195-197.

[7] Ашитко, В. П. Полномочия начальника органа дознания в уголовном процессе Республики Беларусь / В. П. Ашитко // Правовая культура в современном обществе : Сборник научных статей, представленных на Международной научно-практической конференции «Правовая культура в современном обществе», посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД; Научное электронное текстовое издание, Могилев, 16 мая 2018 года / Отв. ред. И. А. Демидова. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018. – С. 179-184.

[8] Москвина, Д. Р. Сравнительно-правовой анализ основных направлений деятельности органов дознания в Российской Федерации и Республике Беларусь / Д. Р. Москвина // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник научных статей X Международной заочной научно-практической конференции, Могилев, 30 апреля 2024 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2024. – С. 73-78.

[9] Станкин, А. Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Станкин, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 22-28.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 01.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 52 (I part), 24.12.2001, Article 4921

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated July 16, 1999 No. 295-Z// National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus, dated 25.08.2000, No. 77-78, 2/71

[3] Yakubel, S.I. Procedural powers of the inquiry body in the context of reforming the system of criminal prosecution bodies of the Republic of Belarus/S.I. Yakubel//Features of the preliminary investigation at the current stage of the development of the criminal process of Russia: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 04, 2019/Edited by A. Yu. Terekhov, R. M. Isaeva. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. - S. 179-182.

[4] Ashitko, V.P. Legal status of the head of the body of inquiry in the criminal process of the Republic of Belarus/V.P. Ashitko//Issues of criminology, forensic science and forensic expertise. – 2018. – № 2(44). - S. 68-74.

[5] Gochechilov, D. A. Some aspects of the competence of the inquiry bodies of the Republic of Belarus/D. A. Gochechilov//Criminal executive system of Russia: problems and prospects: materials of the International scientific conference of adjuncts, graduate students, cadets and students, Samara,

April 25, 2014/Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. - S. 48-51.

[6] Matyuk, A.V. Informational support for the interaction of the investigator of the Investigative Committee of the Republic of Belarus with the body of inquiry in the disclosure and investigation of crimes/A.V. Matyuk//Problems of improving cooperation between law enforcement and other bodies of the CIS member states in identifying, disclosing and investigating corruption offenses: collection of scientific works of the International Scientific and Practical Conference: scientific electronic publication, Moscow, December 21, 2016. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2017. - S. 195-197.

[7] Ashitko, V.P. Powers of the head of the inquiry body in the criminal process of the Republic of Belarus/V.P. Ashitko//Legal culture in modern society: Collection of scientific articles presented at the International Scientific and Practical Conference "Legal Culture in Modern Society" dedicated to the 70th anniversary of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs; Scientific electronic text edition, Mogilev, May 16, 2018/Rev. ed. I.A. Demidova. - Mogilev: Educational institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus," 2018. - S. 179-184.

[8] Moskvina, D. R. Comparative legal analysis of the main activities of inquiry bodies in the Russian Federation and the Republic of Belarus/D. R. Moskvina//Actual problems of criminal proceedings and criminalistics: a collection of scientific articles of the X International Correspondence Scientific and Practical Conference, Mogilev, April 30, 2024. - Mogilev: Educational institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus," 2024. - S. 73-78.

[9] Stankin, A. N. Guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms/A. N. Stankin, M. S. Shaikhullin//Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - S. 22-28.

